

Автор: Есельсон С. (Россия)

Знаете Ли Вы, что такое дружба? В молодости, конечно, знаете. Я и сам в молодости это знал. Как-то у меня в гостях образовалась влюбленная пара, которая потом переросла в хороший брак. И вот будущий муж, мой друг, спрашивает у меня: «А чего ты сам за ней не пытался ухаживать? Такая хорошая девушка!» А я ему: «Как это возможно! Она ведь была девушкой моего друга, только не спрашивай, какого именно». Он: «Но они же расстались?!» Я: «Ну и что».

Да, в молодости еще прямое не стало кривым, и еще не успел прорасти горб, который, говорят, только могила исправляет.

История, о которой я хочу поведать, случилась в древние времена, в III веке нашей эры. В то время в Передней Азии было три больших государства, три региональных сверхдержавы — Персидское, Парфянское и Армянское царства. Периодически между ними возникали конфликты, по окончании которых победитель не оккупировал побежденную страну, никаких тебе аннексий и контрибуций, а просто сажал своих людей на трон побежденных, тем и обходилось.

В то время, о котором пойдет речь, всех обыграли парфяне и посадили своих людей — двух братьев, парфян — и на персидский трон и на армянский. В Армении как-то дело срослось, а вот персидская элита бузила. Нагревалась она, нагревалась, да и устроила переворот. Царь-парфянин, по имени Артабан, был убит, и на троне персидском воцарились персы, царем стал перс Артасир.

Парфянское царство в то время как раз раздиралось междоусобицей, и ему было не до своего персидского детища. А вот с Арменией вышла загвоздка. Царь армянский Курсар был очень дружен со своим братом Артабаном, с глубокого детства дружен, убийство брата оказалось стрелой, пущенной в его сердце. Армения объявила войну Персии. Силы оказались примерно равными, молниеносной мести не получилось. И началась военная тягомотина. Шли годы. Война становилась нескончаемой. Ресурсы постепенно таяли. При этом снова начала восходить звезда Парфянского царства, с востока персов грызли пуштуны, с севера — туркмены, и в самой Персии занималась заря новой придворной бузы. Царь персидский искал выхода, он ему нежен был позарез, он его жаждал. И он к нему пришел собственными ногами.

Один из парфянских вельмож, по имени Анак, дальний родственник Артабана, живший в Персии, вхожий в персидскую элиту, сделал царю Артасиру предложение, поражавшее своей новизной в деле закулисных интриг и тайных операций; предложение, от которого трудно было отказаться. Предложение заключалось в следующем. В течение года Анак при тайной организационной и финансовой поддержке самого же царя создает в столице оппозицию, возглавляет ее, бузит, бунтует, создает много шума — чтобы любой мальчик в персидском царстве на вопрос: «А кто у нас главный несо-гласный с царем Артасиром, кто главный в царстве противник царя?» — отвечал бы: «Анак, парфянин». И все, кому надо знать за границей, — точно это же знали.

А ровно через год должен случиться внезапный и коварный разгром оппозиции, должны пройти аресты, но чтобы Анаку с братом чудом удалось сбежать. Они беспрепятственно перейдут границу, доберутся до армянской столицы и там найдут убежище, там его обязательно дадут. Они из укромных мест вытащат заранее спрятанные семьи и переправят их в Армению, где поселят неподалеку от границы. Они станут наверняка дорогими гостями для армянского царя, они вотрут к нему в доверие, а в час «Х» на встрече убьют его. После внезапной смерти царя, как всегда, возникнет хаос, персы нанесут решающий удар и победят. За все эти благодеяния наглец Анак просил себе всего ничего — поставить его армянским царем и разделить с ним трон персидский одновременно.

Наглец, конечно же, был с подобающим позором выгнан из царского дворца.

Но война тянулась и тянулась, ресурсы истощались, подтачивая обороноспособность. Тайная полиция устала раскрывать все новые и новые очаги придворной бузы и требовать увеличения штатов и окладов. Надо было на что-то решаться. И что было делать?

Персидский царь решился. Пригласил Анака, ударили по рукам, и операция началась. Первая фаза операции прошла как по-писанному — и вот уже Анак в Армении. Он принят и обласкан при дворе. Он становится фактически главным советником по Персии. Периодически военные действия прерываются перемириями, и во время перемирий главное условие Персии — выдать гада Анака. Армения: «Из Армении выдачи не было, нет и не будет, по завету предков. Короче, Анака не отдадим. И баста». И война продолжалась с новой силой. И после каждого такого персидского демарша вес Анака при армянском дворе повышался, повышался и повышался.

Анак был всегда в курсе дел о раскладах внутри персидского двора и о настроениях в народе. Тем временем семьи — его и брата — расположились в одном из селений, неподалеку от границы.

И вот настает долгожданный, оговоренный Анаком и Артасиром, только им известный час «Х».

Анак с братом приходит к царю Курсару в неприятный день, в неурочный час, когда тот по древней традиции предавался размышлениям в уединении. Просит стражу передать, что у него чрезвычайно важная конфиденциальная информация из Персии. И он просит его с братом срочно принять. В наше время начальник говорит секретарю: «Меня ни для кого нет», — и просит запустить важного посетителя. Так было и тогда. Курсар приказал запустить особо важных посетителей, сообщил, что его точно ни для кого нет, и аудиенция началась.

Братья расположились поудобнее и закололи Курсара. Вышли не спеша из комнаты, передали страже, что царь предался размышлениям над переданной ему информацией чрезвычайной важности, касающейся самих основ безопасности царства, и просил

теперь точно совсем его не беспокоить. При словах о безопасности царства Анак поднял палец кверху, и стража единодушно понимающе замотала головами.

Анак с братом оседлали коней и во всю прыть поскакали в селение, где находились их семьи. Жизнь удавалась.

Киллеры и спецслужбы нынешних времен делают контрольный выстрел в голову, а профессиональные убийцы тех времен для верности отрезали голову жертвы. Братья не добились Курсара, они были политики и авантюристы, а не профессиональные убийцы. Весь в крови, из последних сил Курсар дополз до двери и распахнул ее. Последнее в жизни распоряжение царя Курсара было: «Догнать и уничтожить предателей и вырезать их семьи».

Анак с братом скакали быстро, но по чужой горной стране. Они не знали перевалов и тайных троп, а по столбовой дороге после таких деяний не очень-то уйдешь. Погоня шла им наперерез и перегнала их. В коротком бою Анак с братом были убиты, теперь черед был за семьями.

Когда в селение прискакали вооруженные всадники и начали чего-то или кого-то искать, а Анак с братом не появились, то жена Анака все поняла буквально на лету. Она успела перебросить младшего сына, младенца, во двор соседей. Дальше была резня и трупы — и старых и малых, как завещал умирающий Курсар. Соседи младенца выдали за своего, строгого учета и сверки убитых с составом семей Анака и его брата мстителями не производилось. Тем дело и обошлось.

Как и ожидалось после неожиданной смерти царя, воцарился временный хаос и смятение в армянской верхушке, персы нанесли решающий удар, армянские войска дрогнули. Словом, долгожданная победа была за персами. Артасир праздновал двойную победу — и Курсар убит, и с Анаком не надо делить престол. По случаю праздника он был великодушен — на армянский престол он посадил своего человека, а вдове Курсара с двумя детьми, девочкой и мальчиком, почти младенческого возраста, разрешил взять свои фамильные драгоценности, деньги какие-никакие и отправиться в изгнание, в эмиграцию, куда глаза глядят. Ее глаза глядели в Рим, туда она и отправилась по-быстрому, пока Артасир не передумал.

Шли годы. Соседи анаковой семьи называли мальчика Григорий, вырастили его до подростка, рассказали ему его историю, кто он и в чем сыр-бор был — естественно, насколько сами знали, что люди об этом говорили. Снабдили его приемные родители деньгами, добрым словом да и спровадили из Армении, от греха подальше, пока кто-нибудь, как-нибудь и чего-нибудь не прознал и очередной мститель не завелся.

Григорий осел в Каппадокии, римской провинции в Малой Азии, где жило множество греков и где можно было встретить в обилии и проповедников христианских, и общины христианские, хотя и полуподпольные. Парень был работающий и без особых претензий — таких работа любит (да и мастера тоже). Он побывал подмастерьем, учеником, быстро стал мастером, влюбился, женился, родились двое мальчиков, жена

померла. Стремительно катились годы. Григорий крестился, крестились и двое его мальчиков. И не просто крестились, а избрали себе стезю небезопасную для жизни в Римской империи — один стал священником, а другой и того более — пустынножителем.

Когда вдова Курсара обосновалась в Риме, то вывезенные драгоценности использовала по уму — была принята и обласкана в императорском доме, подогретом к сочувствию к изгнанной царской семье. Кроме вложенных денег, думаю, здесь сработал принцип: «Монархи всех стран, соединяйтесь!», — срабатывающий, правда, в ситуации только тогда, когда надо поддержать изгнанного, гонимого коллегу — царя.

Сыну удалось дать приличное по тогдашним римским меркам образование, познакомить с нужными людьми, на первых порах подсадить, и мальчик начал делать карьеру. Военное дело его не влекло, да и мама часто повторяла, что после гибели мужа не перенесет еще и гибель сына. Так что стезя римского чиновника оказалась молодому человеку, звали его Тиридат, — в самый раз. Служба была нескудной, продвижение быстрым. Было одно увлечение, которое выделяло Тиридата из массива тогдашнего римского чиновничества — он занимался тем, что в наши дни назвали бы бодибилдингом, то есть строил себе могучее телосложение, славился любовью к борьбе, в наши дни ее назвали греко-римской. Был он, конечно, белой вороной на фоне голубовато-изнеженной римской элиты тех времен.

И вот как-то, на каких-то посиделках у себя в Кесарии Каппадокийской, Григорий услышал, что высокое положение в римской иерархии чиновной может запросто получить и иноземец. И как пример — Тиридат, сын убитого армянского царя, руководящий крупным департаментом. У Григория закололо сердце и мгновенно стало жарко.

Он взял благословение у священника, попрощался с сыновьями, свернул все свои дела и отправился в столицу, в Рим.

Там он без особого труда нашел департамент Тиридата и пришел туда устраиваться на работу. Его взяли — на самую мизерную, вшивую должность, на которой никто никогда не задерживался.

Помню, последние лет двадцать существования советской власти у промышленности страны была своя лихорадка — ее называли «текучесть кадров». Кадры подолгу не задерживались, особенно на низкооплачиваемых и непрестижных работах. Вот и Рим времен Тиридата болел схожей болезнью.

Григорий никуда не уходил. Жил впроголодь, ночевал в вонючей каморке, но не уходил, на своем рабочем месте стоял насмерть. Шло время, уходили все, а Григорий стоял, как вкопанный.

Его заметили и начали поднимать по карьерной лестнице. Потом ушли и те, кто поднимал. И тут уже сам Тиридат, на которого напал приступ наведения порядка в собственном департаменте, замечает такого странного человека, Григория. И Григорий

становится личным помощником Тиридата.

Какие бы Тиридат не давал ему поручения, он мог быть уверен, Григорий не будет ни есть, ни спать, умрет, но выполнит к сроку. Тиридат мог слоботрясничать, гульнуть — Григорий был всегда на месте, на подстраховке, затыкал все дыры. Тиридат никаких особых справок не наводил о Григории — и так было все ясно как Божий день — парень из низов. Хочет выбиться, будет служить верой и правдой.

В те времена на Рим наступали варвары — восточные готы. Наступали из Северного Причерноморья, через территорию нынешних Румынии и Болгарии, через Балканы. Дела на фронте шли не очень хорошо, после кровопролитных боев римские легионы отступали все ближе и ближе к Аппениннам, к сердцу империи. Но и готы все ж таки начали выдыхаться. Слишком растянутыми, слишком прозрачными оказались их тылы, которые покусывали агрессивные мелкие местные племена, особенно горцы, которые тоже были не лыком шиты. У готов был любопытный обычай — судьбу войны можно было решить одним поединком — поединком царей. Кто выиграет, тот и победитель войны со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. И готы предложили римлянам поединок царей. Надо знать римлян того века, чтобы представить хорошо себе, какое замешательство вызвало это предложение. Царь готов был человек военный, косая сажень в плечах. А римский император что? Замухрышка против него. Основное достоинство императора — умение плести тонкие интриги (и разгадывать чужие). Что было делать? Император, понятно, биться не мог. Всех более-менее видных военных готы знали в лицо. А вот императора в лицо они и не знали. И кто-то из императорского окружения вспомнил о Тиридате.

Поединок был короткий. Тиридат аккуратно уложил здорового гота на обе лопатки и прижал к земле. Тиридат был, естественно, в императорском облачении.

Готы были люди своего слова. Они снялись, развернулись и ушли.

А Тиридат стал человеком особо близким императору. Монаршая милость не заставила себя долго ждать. Тиридату поручается инспектировать территории империи, то есть проверять, как ведут дела наместники. И начинается очень высокопоставленная, но кочевая жизнь. Как вы думаете, кого берет с собой Тиридат на новое дело? Конечно же, Григория.

Они ездят по империи вдвоем и общаются. Тут выясняется, что Григорий не только отменный служака, но и интересный собеседник. А однажды на них напали разбойники, и они отбились, стоя спиной к спине с мечами.

Как-то Григорий заболел — Тиридат отложил все дела, все встречи, рыл землю, но нашел толкового врача и поставил Григория на ноги.

В их разговорах был один пункт непонимания — непонимания Тиридатом Григория. Когда они говорили о богах, Тиридал искренне недоумевал. «Вот ты, Григорий, такой умный человек, а поклоняешься какому-то Христу. У меня вот боги все предельно ясные.

Хочешь успеха в войне — обращайся к Марсу, в любви — к Венере, в охоте — к Артемиде. Все предельно конкретно. А у тебя что за бог такой, который дал себя распять, чтобы потом воскреснуть?» Объяснения Григория про «спасение» казались ему абстрактно-философичными, на том и прекращались эти разговоры.

И вот грянуло очередное римско-персидское столкновение (сколько их было в истории — не счесть, но за жизнь наших героев — первое). Римляне победили. И должны были, как это было принято в те времена у «просвещенных» в политической области народов, поставить своих людей во главе Персии и двух зависимых от нее крупных государств — Армянского и Парфянского царств, ну и множества мелких окрестных княжеств.

Когда дело дошло до армянского престола, то на вопрос: «А кто у нас свой человек для Армении?» — не могло быть двух ответов. Конечно, это был Тиридат. И Тиридату сделали предложение, от которого грех было отказаться.

Когда Тиридат приступил к сборам в Армению, чтобы взойти там на престол, то кроме сестры и праха давно умершей матушки он, конечно же, взял с собой Григория. Вернее, он предложил Григорию ехать с ним, и тот немедленно согласился.

В Армянском царстве Григорий занял должность, равнозначную сегодняшней должности премьера.

Местные чиновники зашли с того боку, с другого и охнули — пришелец оказывается неподкупным, ни за какие коврижки. Во все времена в таких ситуациях обращаются к помощи киллера или к компромату. Выбрали второе. Люди пошли по следам Григория, по всей его биографии, чтобы что-то накопать.

Тем временем Тиридат решил, подражая Риму, создать пантеон богов. Пантеон создали быстро. Было предписано всем ходить на поклонение, каждый своему богу.

Сказали народу ходить — народ исправно ходит, чего начальству по пустякам возражать. И тут Тиридату докладывают, что все министры в Пантеоне появляются, все уважаемые люди, люди двора там есть, а вот Григория там никогда не бывает. Нехорошо получается. Тиридат мигом сообразил, в чем дело, пригласил Григория. Тиридат считал, что дело выеденного яйца не стоит, плевое дело. Но Григорий уперся. Тиридат ему и про то, что надо уважать местные обычаи, и про то, что нельзя быть таким фанатиком, правда, мол, не одна, их много, а «ты живешь так, словно ты один правду знаешь». Григорий стоял непоколебимо. Тогда в ход пошло что-то типа: «Ты меня уважаешь?!» Григорий — ни в какую. Тиридат тогда совсем опустил, стал просить Григория, чтобы тот его не подводил, чтобы пошел хотя бы понарошку, что высокие интересы государственной безопасности этого требуют, потому как рыба гниет с головы, и если премьеру можно, то почему другим нельзя. И тут Григорий говорит, что сейчас готов написать заявление об отставке.

Тиридат, понятно, взбеленился, вызвал стражу и арестовал Григория.

Сначала Григорий сидел под домашним арестом — пока не одумается, а всем было сообщено, что он заболел. Григорий никак не хотел принять груза лежащей на нем ответственности. Тогда Тиридат переводит его в спецтюрьму для высокопоставленных узников и приставляет пыточного мастера с наставлением, чтоб тот не испортил товарного вида, то есть чтобы руки-ноги были целы и на физиономии ничего не было видно.

Пыточный мастер на Григории обломался. Он просил разрешение на работу с ногтями и волосами, но не получал его, а без этого ничего не выходило.

В конце концов дело вылезло наружу, вся челядь, весь двор знал, что Григория пытаются, что он не сдается, и все знали, чего от него хотят.

И тут неожиданно-негаданно приспел вельможам ответ про «темные страницы» биографии Григория. И к Тиридату двинулась делегация с докладцем. Тиридат прочел и глазам не поверил: в докладе, с указанием свидетелей, доказательно излагалась версия, что Григорий-де сын Анака, того самого, что предал и убил его отца Курсара. Тиридат не стал заказывать своим спецслужбам длительную и муторную перепроверку. Он сделал просто — он приказал, чтобы к нему привели Григория, и напрямую сам спросил у него.

К ужасу Тиридата, Григорий ответил «да!».

Тиридат одновременно был взбешен и раздавлен. Сколько лет бок о бок! И что замышлял Григорий? Ясно было, что он не случайно к нему пришел и не случайно втирался и втирался в доверие. Он тихим сдавленно-хриплым голосом спросил Григория: «Зачем?» И ответ был какой-то невразумительный: что-то про плоды, достойные покаяния, что-то витиевато-христианское.

Тиридат собрал народ, сколько помещалось, показал на Григория, напомнил историю предательства и убийства своего отца, щедро, публично вознаградил вельмож, помогших разоблачить змеюку, согревшуюся на груди владыки. И в заключении торжественно и громогласно постановил, что Григория убить мало, поэтому он будет брошен живьем в знаменитый защитный ров города Артаксата.

В Европе многие средневековые крепости были окружены рвами с водой. Армянский город Артаксат был окружен рвом, превращенным в болото, куда запускалась всевозможная гадость, привозимая из разных стран, от водяных змей и ядовитых лягушек до крокодилов, хотя последние долго там не выживали, но успевали вдоволь порезвиться. Будьте уверены, если бы к тому времени была открыта Америка, — в том рве были бы и пираньи.

Григория торжественно сбрасывают со стены в это болото. С глаз долой — из сердца вон.

Но в IV веке понемножку христиане распространялись на территории Малой Азии и Закавказья. И экзекуцию над Григорием наблюдали две женщины-христианки, мать и дочь. То ли слухи о странном премьере достаточно сильно расползлись и дошли до них, позволив предположить, что он христианин, то есть свой, то ли по общей доброте душевной, но в первую же ночь после сбрасывания Григория в заболоченный ров они пришли на стену и начали звать его. Дело было рискованное, но прошло. Григорий отозвался. И они условились, в какие дни, вернее ночи, и с какого места стены они будут сбрасывать ему еду.

Потекло время. Прошло четырнадцать лет. За то время войска тиридатовской Армении провели несколько успешных военных компаний, расширили границы государства аж до самой Сирии, разгромив при этом поднявшуюся было вновь Персию. Армения продолжала оставаться ближайшим могущественным союзником Римской Империи.

В то время на римском престоле был император Диоклетиан. Император как император, но с одной особенностью. Большой он был коллекционер женского полу. Выглядело это так. По всем закоулкам империи рыскали эмиссары — агенты тайной полиции, они же художники-портретисты. С единственной задачей — зарисовать физиономию понравившейся красавицы. Каждый день картинки поступали к императору, он их лично просматривал и тыкал пальцем: «Мне вот эту!».

Дальнейшее было уже делом техники. Отряд тайной полиции отправлялся по указанному адресу, забирал девчонку или даму и привозил к императору.

И вот эмиссар Диоклетиана в виноградниках в окрестностях Рима обнаруживает чисто женскую общину (прообраз будущих христианских женских монастырей). В общине — девчонки лет по семнадцать-восемнадцать и одна женщина постарше по имени Гаиана, их наставница. И опытный глаз эмиссара мгновенно выделяет красавицу. Быстрый портретный набросок идеального профиля, и далее — по инстанции. Перебирая наброски, Диоклетиан ткнул пальцем — «Ее!»

Красавицу (а звали ее Рипсимией) пошли забирать двое диоклетиановских спецполицейских, поднаторевших в этом несложном деле. Видимо, у них давно все шло как по маслу, поэтому они начали работать на халяву.

Рипсимия подняла крик, прибежали девчонки — всего их было тридцать семь — и так измочалили бравых бойцов, что мало не показалось. Агентов связали, после чего Гаиана сказала, что надо срочно уходить. Она понимала, с кем они имеют дело и какие могут быть последствия.

Они шли не заходя в селения, на север, шли днем и ночью. Когда кто-то появлялся на дороге — они сходили с дороги. И им удалось уйти незамеченными с Апеннин, их упустили.

Император, узнав, что вместо красавицы доставили двух найденных избитыми и

связанными агентов, пришел в ярость, в неистовство. Давно его ничто так не волновало, как тот возмутительный факт, что вышло не по нему. Пред тайной полицией империи была поставлена задача — найти и арестовать всю возмутительную женскую общину. Тайная полиция наконец получила масштабную задачу.

Девушки уходили все дальше и дальше на Восток по Балканам, через территории нынешних Словении, Хорватии, Черногории. Надо отдать должное интуиции Гаианы — им удавалось продвигаться все дальше и дальше незамеченными, неузнанными. По-видимому, в селения выменивать или покупать продукты заходила только одна из девушек и всякий раз другая — их не идентифицировали как преступную разыскиваемую группу.

Договорились где-то в Греции с частным судовладельцем, контрабандистом, и тот переправил их в Малую Азию.

Чутье Гаианы подсказывало, что надо двигать за границу. Самой спокойной, почти не охраняемой границей Римской Империи в то время была граница с Арменией. Девушки двинулись туда. По дороге познакомились со странной, непривычной для тех мест одинокой путницей, Ниной, тщательно скрывающей свою красоту. Нина оказалась тоже христианкой. Двигалась она в Иверию со странным намерением крестить ее и уверенностью, что это обязательно получится. Нина сказала, что благословлена, и производила впечатление ходячей тихой торжественности. Гаиана как-то поделилась со своими спутницами, что у такой Нины, на ее взгляд, вряд ли что получится в Иверии, но может быть, это пока. Может быть, впереди будет какое-то испытание, которое преобразит Нину. В общем, пошли вместе — путь-то в Иверию лежал через Армению.

Границу прошли без особых приключений, углубились в глубь армянское территории, дошли до города Аккори и в окрестностях его, в виноградниках, наконец остановились. Жили девушки в виноградниках, как некогда около Рима, а на заработки ходили в город. Жизнь потихоньку входила в спокойное русло, и Гаиана расслабилась.

Диоклетиан тем временем неистовствовал. Тайная полиция Рипсимию не нашла. И дело государственной важности было передано в ведение внешней разведки. И напряженная работа принесла свои плоды — императору торжественно донесли, что Рипсимия и остальные девушки находятся на территории Армении.

Тиридат был старинный приятель Диоклетиана, еще по увлекательным юношеским пирушкам. И Диоклетиан пишет ему письмо, в котором сообщает, что от него сбежала девушка, предназначенная ему в наложницы, что она находится вместе с общиной помогающей ей злоумышленниц на территории Армении, там-то и там-то. Что он просит Рипсимию изловить и ему прислать. Но! Если Рипсимия понравится самому Тиридату, то пускай забирает в знак их царственной дружбы, солидарности и широты душевной. К письму был приложен портрет. Тиридат послал отряд для ареста Рипсимии и препровождения ее во дворец.

Как в фильме «Семнадцать мгновений весны» профессор Плейшнер, попав в

Швейцарию, расслабился, потерял бдительность и не ожидал появления агентов гестапо, так и для Гаианы и других девушек появление отряда армянских военных и арест Рипсимии были как гром среди ясного неба. Они не смогли ее ни спрятать, ни защитить, на этот раз.

Когда Тиридат увидел Рипсимию, то мгновенно понял, что должно быть в благодарственном письме Диоклетиану. Двух мнений быть не может. Девочка должна быть сегодня же в Тиридатовской постели.

Что могла делать Рипсимия?! — она отчаянно молилась.

Тиридат приказал доставить Рипсимию к себе в опочивальню. И отпустил слуг, предчувствуя забавную игру в кошки-мышки с неизбежным изнасилованием в финале.

Тиридат схватил отчаянно сопротивляющуюся убегающую от него Рипсимию, споткнулся об угол ковра и упал. Падая, он задел виском угол стола и лишился сознания.

Рипсимия бабочкой выпорхнула из дворца и отправилась к подругам.

Возвращение Рипсимии было воспринято с восторгом. И тут Гаиана допустила ошибку. Вместо того чтобы резко уйти подальше, куда-нибудь в непролазные горы, вместо того, чтобы забиться подальше в горы, в пещеры и не дышать, по возможности, — они начали праздновать великую победу над злом. Они не понимали, с кем имеют дело.

Тиридат был в ярости, а в ярости Тиридат был страшен. Он вызвал к себе начальника отряда головорезов и приказал обнаружить всю преступную группу, где бы она ни находилась, и изрубить всех ее членов, включая Рипсимию, в капусту.

Преступную группу праздновавших победу девушек обнаружили на том же месте, где они были и раньше. Обнаружили в виноградниках. Группу окружили, вытащили сабли, и кровавая потеха началась.

Осталась одна свидетельница — Нина. Как раз ее черед был идти в город на заработки. Возвращаясь, она увидела всю эту кровавую вакханалию. Два чувства рвали ее душу на части: желание присоединиться к римлянкам в их ужасной смерти и память о взятом на себя когда-то обязательстве дойти до Иверии и крестить ее. Нина лишилась чувств — это ее и спасло. Ребята Тиридата могли запросто уничтожить и незваных свидетелей, и принять ее за отбившуюся от стада подлежащую уничтожению овцу, но бездыханное тело Нины, валявшееся за кустами, они попросту не заметили.

Командир отряда доложил Тиридату, что задание выполнено. Недоверчивый Тиридат, привыкший проверять и перепроверять своих подопечных, приказал седлать коней, чтобы проехаться к месту экзекуции и лично убедиться в полноте и точности исполненного.

Картина была впечатляющая: ноги, руки, головы, лужи крови. И Тиридат впечатлился. Он внезапно начал смеяться, потом хохотать. Хохотал он раскатисто, от всей души, до полного изнеможения. И хохот его не переставал. Где-то на десятой-пятнадцатой минуте командир отряда сообразил, что дело неладно. Тиридата пытались успокоить, привести в себя — ничего не помогало. Тогда бойцы его скрутили, привезли во дворец — тайно, под покровом ночи — и вызвали сестру царя.

Дело было нехорошее, огромной государственной важности при этом — царь сошел с ума.

Сестра распорядилась поместить Тиридата в комнату без окон, вынести оттуда мебель. Его развязали — он хохотал, рычал на разные голоса, пытался биться головой об стенку, словом — буйствовал. Тиридата снова связали. Надо было что-то решать. Объявили, что царь заболел, потому нигде не появляется. Бойцы-свидетели царского сумасшествия были тоже изолированы. Сестра молилась богам, обращаясь к ним с одним вопросом: какой врач может помочь Тиридату. Как истинная язычница, она молилась на всякий случай всем богам подряд, в том числе и христианскому.

И ответ пришел — в голове вспыхнула имя: «Григорий, друг Тиридата». Она, не веря услышанному, продолжала молиться, и тогда уже в полудреме, полузабытьи она увидела голубой овал, как просвет среди туч, и в овале лицо Григория. Дрема мгновенно выскочила из головы и из остального тела. Сомнений быть не могло — ответ гласил: «Григорий». Но ведь Григорий же был убит четырнадцать лет назад!!!

Сестра Тиридата, поговаривали, равнодушна была к Григорию. Но ничего более, ни Боже мой. Григорий не давал никаких шансов надеяться, но она надеялась, иначе зачем нужна надежда? Надежда нужна тогда, когда шансов нет никаких! В защиту Григория тогда, четырнадцать лет назад, она не сказала ни слова, но с тех пор тонкая игла оставалась в ее сердце, давая о себе знать по праздникам, во времена большой или малой хандры и при плохой погоде. Сестра Тиридата отправилась к стене надо рвом и начала кричать: «Григорий, Григорий!..». Может быть, она также кричала: «Григорий, Григорий, любимый мой!..» — но об этом не осталось никаких свидетельств.

И Григорий отозвался. В ров были спущены лестницы, Григория вытащили, накормили, омыли, подстригли, одели. Сестра Тиридата объяснила ситуацию. Григорий сказал «да» и попросил яблоко.

Григорий попросил развязать Тиридата. Тиридата развязали, и он приступил к своим буйствам.

И тут в комнату к буйствующему Тиридату вошел Григорий. Они встретились глазами, и Тиридат остолбенел. Неизвестно, сколько они стояли друг против друга, молча, глядя друг другу в глаза. Потом Григорий вытащил из кармана яблоко, разломил его пополам и протянул половину Тиридату.

Тиридат ничего не ел шесть дней, с самого начала своего помешательства, но

половину яблока от Григория он взял и, неотрывно глядя на Григория, съел.

Григорий сказал: «Пошли со мной», — и молчавший Тиридат, как сомнамбула, вышел вслед за Григорием. Григорий попросил у сестры Тиридата две лопаты, две кирки и одного провожатого к месту избиения римских агнцев. Всё появилось почти мгновенно.

Когда они подошли к месту, Григорий отпустил провожатого.

Куски тел, запекшаяся кровь на камнях, на листьях. Дождя все эти дни не было; ни звери, ни стервятники останки девушек видимым образом не тронули. Поражала тишина, какая-то невероятная — не жужжали мошки, мушки, не говоря уже о жуках и стрекозах, ничего не ползало. Было безветренно. Останки не разлагались и не смердели, казалось, избиение произошло несколько часов назад.

Григорий посмотрел на небо, глубоко вздохнул и ударил киркой по каменистой почве.

Они вдвоем выкопали огромную могилу и захоронили в ней останки. Они свили из виноградной лозы какое-то подобие распятия и положили на могиле. Молча взяли кирки и лопаты, молча вернулись. Григорий попросил сестру Тиридата, и она дала им подкрепиться. Григорий попросил сестру Тиридата, и для них привезли песок, цемент, камень и строительные материалы.

Они вдвоем перенесли все это на место гибели девушек и вдвоем начали строить.

Они строили днем и строили ночью. И они построили — по-стро-или небольшую часовенку. И тогда остановились. Они сидели молча, глядя на творение своих рук, а, может, не только своих и не только рук, и тяжело дышали. И когда они отдышались, Тиридат посмотрел прямо в глаза Григорию и попросил: «Крести меня».

Они обнялись, и Тиридат заплакал, впервые в жизни.

Уже в столице Григорий ответил: «Кто я такой, чтобы крестить — я ведь не священник». И тут Тиридат сказал по-царски, впервые за долгое время: «Так стань им».

И Григорий ушел в Каппадокию, той же дорогой, что когда-то в юности. Он нашел там живущего в полуподполье христианского епископа и рассказал ему все, без утайки.

Архиерей не стал проверять знание Григорием писания, а помолился хорошенько и сообщил слегка оторопевшему Григорию, что ставит его сразу в епископы. Ни до, ни после такого, по-моему, не бывало. Григорий вернулся в Армению епископом.

Они ходили с Тиридатом вдвоем по городам и селениям Армении, приходили, рассказывали там всю историю, и народ шел креститься. Так обошли они пешком всю страну.

Армения стала первым в истории христианским государством, раньше римской империи.

Как-то Григорий пришел к Тиридату и сказал: «Все. Начались болезни. Отпусти меня в Каппадокию. Поближе к могиле жены. Не беспокойся, Бог не бросит, Он не бросает, придет другой епископ, мне на смену».

На смену Григорию в Армению пришел из Каппадокии его сын, священник, поставленный в епископы.

О последних годах перед смертью Григория доподлинно известно мало что. Он никуда не вылезал, нигде не светился, не звездил, жил один. Потому смерть его обнаружили не сразу, а много дней спустя. Труп его не тлел, не разлагался, сохся только. На лице застыла безмятежная улыбка.

* * *

Первый раз я эту историю рассказал одному из столпов российской интеллектуальной мысли, размещающейся невдалеке от журнала «Эксперт». Он послушал меня и, задумчиво раскуривая сигару, сказал: «Знаешь, сколько фальсификаций истории накручено было в средневековье вокруг фигур римских императоров? Христиане, споря друг с другом, несогласных зверски истребляли, а списывали все задним числом на римских императоров и их администрацию». Я ему: «А при чем тут это?» А он: «Как причем? Про Рипсимию и императора Диоклетиана и К^о — чистой воды пасквиль на Римскую империю!» Я ему: «А если это — правда?» Он: «Ни-за-что!»

Вторая попытка рассказать. Слушатель — видный политтехнолог. Но из той части айсберга, что никогда не выходит на поверхность. Он слушал внимательно, уставившись в какой-то фрагмент сложного паркетного узора. Потом: «Все, не катит». «Почему?» «Да кто этому поверит? Детская история. Надо откорректировать». «А что кажется нереальным?» Он на минуту задумался. Отпил, поставил чашечку холодящего чая на изысканный гостевой стол своего кабинета и твердо сказал: «История эта не-полезная». Сказал, как отрезал. Я ему: «Дай пример полезных». Он тонко усмехнулся: «Когда, скажем, народу рассказывают, что Сталин распорядился послать в Сталинград Казанскую чудотворную икону Божьей матери и после этого в сражении наступил перелом». — «Постой, но ведь Казанской чудотворной иконы нет, в начале века пропала...» — «Слушай, умник, это неважно, отредактируется! Пусть будет Смоленская или Владимирская, или ещё какие у вас есть, главное не это — главное, что и люди поверят, и полезно будет».

Третья попытка состоялась под Харьковом, на фестивале «Тавале», где собираются сотни психологов и близкого к ним люда из различных городов Украины. Я заявил там тему: «Дружба в нашей жизни и в жизни священномученика Григория, крестителя и просветителя Армении». Пришли человек десять, почти все — мужчины. Рассказ закончился. Повисла тишина. Тишину прервали двое дуэтом: «Зачем Григорий

пошел в Рим? Какое отношение он и Тиридат имели к делам своих отцов?» Кто-то из присутствующих что-то вякнул про искупление и про кровную месть. И тут пошло: «Сын за отца не отвечает — это даже Сталин сказал». — «Ну да, Сталин, как настоящий иезуит, это сказал, и тут же начали детей арестованных забирать!» — «Неправда. Мне отец говорил, что неправда!» — «Еще как правда, мне бабушка рассказывала. А кто твой отец?» Повисла гнетущая тишина. «А кто твоя бабушка?» — «Моя бабушка была врачом. А твой отец?» — «Ну да, он служил в ГБ, ну и что, мне нечего стыдиться, он честно исполнял приказы». — «А твой дед?» — «Это не имеет к делу отношения». — «Имеет». «Какое?» — «А очень простое. Если слышал, в 1962 году в Новочеркасске расстреляли бастующих рабочих и студентов. Попытались тогда концы в воду спрятать, а один журналист, честный был больно, язык свой распустил, хотел народ информировать, ну вот его живьем тогда сожгли. Потом, через десятилетия, дети его выросли и нашли исполнителя, и заказчика. И посчитались. Сполна. Кем был твой дед?!» — «Военным прокурором. Но он давно умер». — «Наверное, в расстрельные тройки входил. Не хочешь в глаза детям расстрелянных посмотреть?» — «Что вы на меня наускаиваете! Дед — это дед, отец — это отец, а я — это я. Вот в христианстве на Страшном суде человек за свои собственные дела отвечает, а не за чужие! Мы же христиане...» Так и поговорили.

Четвертой слушательницей истории была молодая армянка, какая-то руководящая деятельница армянской диаспоры в крупном российском городе. Глаза ее горели: «Чувствую себя сестрой Тиридата. Поеду в Армению, буду пересказывать, там эту историю мало кто знает». Её довольно бесцеремонно спросили: «А при чём тут Армения? И про что это ты, когда сестрой Тиридата назвалась? Что, тоже в любви не призналась, а потом не заступилась, сдала?» Она надолго замолчала и отвернулась, а потом внезапно вышла из комнаты.

Пятая попытка. Сидим в чайном клубе. Рассказал историю. Мой слушатель — мускулистый энергичный господин невысокого роста, с видом Наполеона, из тех, кто всегда выглядит моложавым. Рассказ сработал, как пароль, на который немедленно последовал отзыв. Он рассказал мне про друга, точнее, тренера, но другой команды, многолетнего лидера в своем виде спорта. Он рассказывал, как судьба их сводила в кризисные для того моменты и как он неизменно того поддерживал, поддерживал явно и тайно, в глаза и за глаза. Он рассказывал, как они стали вхожи в дома друг друга и как их приезды и подарки сопровождали всякие замечательные знаки. Он рассказывал, как они оба стали членами Президиума Федерации, причем друг — председателем, как ради единства он другу уступал, даже когда не был согласен. Однажды он заболел и не поехал на заседание Президиума. А потом получил протокол, из которого следовало, что обсуждалась его работа, что докладывал его друг, и то, что тот докладывал, было дикой смесью правды и неправды, но правды никто не знал, так как все члены Президиума были новенькие, одни они с другом старенькие, и все согласились с председателем — чтобы не нарушать единства, наверное. И рекомендовали Федерации вывести его из состава Президиума. Он рассказывал со все нарастающим жаром — казалось, вместе с китайским чаем в него вошли китайские дракончики и огненными языками вырываются наружу. Я спросил его, чего он так заводится, и он отвечал, как сначала был поражен, что друг не выяснил все спорные вопросы, все претензии глаза в глаза. Потом

вспоминал, как когда-то, после выборов в Президиум, друг неожиданно поздравил его с тем, что он набрал второе после друга количество голосов, и сердце его екнуло, как когда-то екнуло сердце у Кирова после аналогичного поздравления со стороны его друга Сталина; после того, как друг обратил на это особое внимание. Но после этого шло время, и все было будто хорошо. В отношениях между ними, между их семьями. Между тем его команда улучшала свои показатели, и уже вроде как и начала соперничать в премьер-лиге с командой друга. Я прервал его: «У тебя получается все так же просто и определенно, как в истории Анака с Курсаром: зловещий замысел зрел в его голове и ждал только часа для своего воплощения. Ты же тренер другой команды, ты же глава другого государства, неужто ты его ничем не искушал?» Он глубоко задумался. Нам сменили чай. Провели церемонию. Наконец он сказал: «Искушал», — и ушел.

Шестая попытка. Я дал почитать сказку потомку разночинцев второй половины XIX века — из тех, что всегда служили питательной средой для российской интеллигенции. Она сказала: «А где тут дружба? Просто христианское поведение Григория по отношению к своему патрону. И потом — вначале, в предисловии. В молодости встречи бывают так мимолетны: повстречались, расстались, и никакого следа. Ничего болезненного. А здесь у Вас так жестко — нехорошо, мол, встречаться с бывшей девушкой твоего друга!» И тогда я спросил: «Простите, а муж Ваш?» Она: «Ну да, подруга его считала своим парнем... Но она очень быстро вышла замуж, ещё до того как мы поженились». — «И что, Вы с ней дружите?» — «Нет. Но это из-за того, что она очень самолюбивый человек».

Седьмая попытка. Праздновали юбилей сказочника. Торт, фуршет, хвалебные речи. И вдруг дочь вспомнила: «А как же сказка на ночь?» И старик почему-то вместо произведения собственного творчества запустил эту длинную историю из армянской старины, да ещё и предварил её расспросами гостей про их понимание дружбы, её проблем и её пределов. Зал с юбиляром потихоньку вежливо пустел. Сказитель закончил за полночь, когда в зале осталась компактная группа стойких. Закончив, спросил: «Вот, история закончилась, какой вопрос к себе, к своей жизни появился?» Кто-то пошутил: мол, мы рождены, чтоб сказку сделать былью, а кто-то сказал: «Интересно, что будет дальше»? А дальше, через три месяца, состоялись похороны дочери сказочника. В начале процессии несли венок с надписью: «От друзей».

Итак, восьмая попытка...